

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ЛЮБОВНИЦА
СМЕРТИ

Сергей Патрушев
Любовница Смерти

«Автор»

2026

Патрушев С.

Любовница Смерти / С. Патрушев — «Автор», 2026

Артём жил двойной жизнью: любящая жена Мария дома и тайная страсть — Настя. Когда Настя погибает у него на руках, Артём использует древнюю магию, чтобы отмотать время вспять. Он уверен: ещё одна попытка и он её спасёт. Но смерть не любит обмана. Девять раз Артём переписывал реальность. Восемь раз Настя умирала вновь от случайности, от болезни, от чужой руки. Словно кошка, она прожигала свои жизни одна за другой, а Артём терял часть себя с каждым разломом времени. На девятый раз желание ... Магия забрала плату, о которой Артём не подумал: Настя ... Мария, уставшая быть тенью, ... Артём...

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний вдох	5
Глава 2. День сурка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Патрушев

Любовница Смерти

Глава 1. Последний вдох

Снег в этом году выпал слишком рано, накинута на промозглый октябрьский ноябрь грязное, сырое одеяло. Под ботинками Артёма хлюпала не вода, а густая ледяная каша, пропитанная городской сажой и бензином. Он стоял на коленях посреди перекрестка, прямо на двойной сплошной, которую никто никогда не соблюдал, но сейчас это не имело никакого значения. Никакие правила больше не имели значения.

Вокруг выли сирены — надрывно, истерично, заполняя собой всё пространство до самого низкого свинцового неба. Мигалки «Скорой» и патрульной машины били по глазам красными вспышками, превращая мокрый асфальт в пульсирующую кардиограмму умирающего города. Люди что-то кричали, их голоса сливались в неразборчивый гул, похожий на шум при боя. Кто-то пытался оттащить его назад, за желтую оградительную ленту, которая казалась жалкой насмешкой над масштабом случившейся катастрофы.

Артём не сопротивлялся. Он просто сидел, упиравшись ладонями в ледяную жижу, и смотрел на свои руки. Они были чужими. Пальцы дрожали так сильно, что суставы бились друг о друга мелкой дробью. Вся кожа ниже локтей была покрыта вязкой, уже начавшей сворачиваться кровью. Кровь была везде: на рукавах его дорогого кашемирового пальто, которое Настя заставила надеть из-за обещанного заморозка, на манжетах белоснежной рубашки, даже на воротнике. Она пахла железом, холодом и чем-то еще — приторно-сладким, тошнотворным запахом конца.

Он перевел взгляд чуть дальше, туда, где суетились врачи. Белая простыня с жирными, быстро расплзающимися алыми пятнами накрывала то, что полчаса назад было самым живым существом на планете. Маленькая ступня в порванном бежевом сапожке нелепо торчала из-под края ткани. Сапог был развязан. Настя всегда забывала завязывать шнурки, вечно куда-то торопилась, смеялась над своей неуклюжестью...

— Пропустите! Да пропустите же, я муж! — раздался чей-то отчаянный крик совсем рядом, но Артём даже не понял, что этот сорванный голос принадлежит ему самому.

Он попытался встать, чтобы броситься туда, под эту страшную белую простыню, содрать ее голыми руками и увидеть, убедиться, что они ошиблись. Что она просто потеряла сознание. Что эта тишина внутри нее временная. Но ноги подкосились. Колени ударились об асфальт с глухим стуком, отозвавшимся тупой болью в костях. Боль была настоящей. Значит, он все еще жив. А она...

Смерть наступила мгновенно. Так сказал врач, присев перед ним на корточки и взяв за липкое от крови запястье, пытаясь нащупать пульс, которого у Артёма и без того хватало. Врач говорил что-то про разрыв грудной клетки, про рулевую колонку, про законы физики, которые оказались сильнее человеческой плоти. Его губы шевелились, изо рта шел пар, слова складывались в утешительные, бессмысленные звуки. Артём видел только движение челюсти. Как будто врач жевал саму смерть, пытаясь превратить ее в удобоваримый диагноз.

«Несчастный случай». Эта фраза крутилась в голове навязчивой идиотской считалочкой. Нес-час-тный слу-чай. Три секунды. Именно столько времени отделяло жизнь от этого ледяного ада.

Они переходили дорогу. Здесь, на Сретенке, возле старого доходного дома с лепниной в виде сов. Горел зеленый. Артём держал ее за руку, грел озябшие пальцы в кармане своего пальто. Он отпустил. Всего на долю секунды, чтобы достать телефон и посмотреть адрес

ресторана, который забронировал для годовщины. Экран вспыхнул ярко. Водитель старенького такси, уходя от лобового столкновения с вылетевшим на встречу джипом, резко вывернул руль вправо. Прямо на тротуар. Прямо на них.

Артём успел дернуть ее на себя. Успел развернуть спиной к летящей туше металла. Удар пришелся ей в спину, впечатывая хрупкое тело в чугунную урну для мусора. Ее хруст сломанных ребер он услышал лучше, чем оглушительный скрежет тормозов. Он принял основной удар на себя — плечо и висок, поэтому сейчас мог дышать. А она лежала на нем, оседая медленно, как подкошенная марионетка, чьи нити перерезали одним движением садиста-кукловода. Последнее, что она сделала — вложила свою заледеневшую ладонь в его окровавленную пятерню и выдохнула. Теплое облачко коснулось его щеки. Вдоха после него не последовало.

Вой сирен стал невыносимым. Он давил на барабанные перепонки, выдавливая последние остатки воздуха из легких. Артём зажмурился, прижимая к груди мертвые руки жены, словно пытаясь согреть их остатками собственного тепла. Внутри поднималась чернота — тяжелая, маслянистая волна безумия. Если он позволит ей захлестнуть себя полностью, если отключится здесь, в этой грязи, он никогда себе этого не простит. Хотя кого он обманывал? Себе он этого уже не простил.

И тогда сквозь пелену слез, смешивающихся с каплями талого снега, сквозь вой сирен и испуганные лица зевак, пробилось воспоминание. Не мысль, нет — физическое ощущение холода, идущего от стекла.

Бабушкино зеркало.

Оно стояло на антресолях их съемной квартиры, завернутое в старую льняную скатерть, пересыпанную сухой пылью от моли. Тяжелое, венецианской работы начала прошлого века, оправленное в почерневшее серебро. Рама представляла собой клубок переплетенных змей и увядших роз, в центре которого скалился мелкий рогатый бесенок, сжимающий в лапках овальный диск стекла. Бабушка Мария, умершая три года назад от инсульта, оставила его Артёму со странным наказом, прошептанным уже в забытии, когда легкие отказывались качать воздух:

— Разобьешь, Артоша, когда последний вдох сделаешь. Только смотри, какой именно вдох твой — последний. Зеркало лжи не терпит. Оно честный торг предлагает, но цену берет страшную.

Тогда, в пропахшей лекарствами палате хосписа, Артём лишь раздраженно кивнул. Очередная бабкина блажь, помноженная на деменцию. Семейная легенда гласила, что первая владелица зеркала, прабабка Софья, сгинула в революционном Петрограде. Говорили, что стекло умеет показывать не отражение, а желание, а если пустить кровь на амальгаму и произнести формулу, время вокруг разбивается на куски, позволяя собрать мозаику заново. Отмотать назад. Исправить фатальную ошибку.

Сказка для выживших из ума старух. Бред воспаленного сознания.

Но сейчас, сидя в луже собственной и чужой крови на московском асфальте, глядя на торчащий из-под простыни детский сапожок, Артём вдруг осознал значение слов с абсолютной, математической точностью. *Последний вдох*. Тот теплый пар на его щеке. Это был он.

Безумие бывает разным. Иногда оно выглядит как смирение, иногда — как ярость. Для Артёма оно пришло в форме абсолютной, звенящей ясности. Логика пасовала перед животной жаждой исправить неисправимое. Наука уступила место первобытному колдовству. Ему было плевать, сработает ли это. Плевать, является ли массивное стекло в прихожей порталом или просто тяжелым предметом интерьера. Терять было нечего. Хуже этого перекрестка, хуже этих красных пятен на белом кашемире ничего быть не могло.

— Пропустите! — снова прохрипел он, но теперь в этом крике была цель. Не отчаяние, а направление.

Он начал двигаться. Сначала тяжело, опираясь на руки, пачкая колени багровой грязью. Потом встал, пошатываясь. Никто не посмел его остановить. Толпа инстинктивно расступилась перед человеком, несущим на руках мертвую жену, глаза которого горели таким чистым, inferнальным огнем, что становилось страшно за собственную душу. Он не проронил ни слезинки. Слезы замерзли где-то глубоко внутри, обратившись в острые кристаллы льда.

Дорога до дома превратилась в бесконечный туннель. Девятый этаж. Лифт, к счастью, работал. Дрожащими пальцами Артём едва попал ключом в замочную скважину. Металл лязгнул, дверь поддалась, впуская его в темноту и запах нежилого пространства — пыль, остывший кофе и тот самый, едва уловимый аромат Настиных духов, который завтра исчезнет навсегда.

Он прошел в спальню, бережно опустив тело Насти на их широкую двуспальную кровать. Поправил разметавшиеся по подушке темные волосы. Поцеловал холодный лоб. Губы ощутили восковую гладкость смерти. — Я вернусь, — пообещал он пустой комнате. — Я вытащу тебя оттуда. Даже если мне придется разорвать само небо.

Прихожая встретила его полумраком. Большое зеркало в тяжелой серебряной раме висело там, где они его и оставили — напротив входной двери, отражая вешалку с одинокими куртками. Артём подошел к нему вплотную.

Его собственное отражение смотрело на него чужим, обезумевшим взглядом. Черты лица заострились, под глазами залегли глубокие фиолетовые тени, на виске темнел кровоподтек, а по левой скуле тянулась широкая ссадина. На щеке до сих пор таял невидимый снег. И поверх всего этого — маска из запекшейся крови. Он выглядел как мясник после смены. Или как падший ангел, проигравший последнюю битву.

— Ну же, — прошептал Артём своему двойнику в стекле. — Давай. Последний вдох сделан.

Он занес кулак. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Впервые за тридцать два года жизни ему стало по-настоящему страшно. Страшно не боли, а того, что откроется по ту сторону удара. Пустота? Вечность? Или та самая секунда до зеленого сигнала светофора?

— Чертова рухлядь, спаси ее, — прорычал он и ударил.

Удар получился слабым, скользящим. Кулак врезался не в центр стекла, а в тяжелый завиток рамы. Дерево треснуло, посыпалась старая позолота. Серебряный бесенок криво ухмыльнулся, обнажив нарисованные клыки. Боль взорвалась в костяшках, отрезвляя.

Второй удар. Прямо в лицо бесенку. Прямо в самую середину холодного, равнодушного стекла.

Звук был оглушительным. Не звон разбитой посуды, а звук лопнувшей вселенной. Толстое старинное стекло пошло сетью трещин, напоминающей морозный узор, а затем беззвучно, грациозно осыпалось внутрь рамы миллионами тусклых осколков. Острая боль полоснула левую ладонь — один из крупных кусков вспорол кожу от основания большого пальца до запястья.

Кровь хлынула обильно, горячая, почти кипящая по сравнению с уличным холодом. Капля упала на рассыпанное по паркету серебро.

Амальгама — смесь олова и ртути на обратной стороне — пошла пузырями, реагируя на органику. Серебро начало дымиться, источая едкий запах серы и озона. Комната поплыла перед глазами, теряя четкие очертания. Лампа в коридоре мигнула и погасла, хотя счетчик в подъезде работал исправно.

Тьма не пришла снаружи. Она поднялась снизу, от самых ног, затопляя линолеум густой черной нефтью. Воздух загустел, превратился в кисель, забивая ноздри и горло. Каждый вдох давался с физическим трудом, словно он пытался пить воду через забитую соломинку.

— Назад, — прохрипел Артём, чувствуя, как язык перестает слушаться. — На час. На сутки. На десять лет. Мне плевать. До перекрестка. До ключей. До первого дня.

Осколки на полу начали вибрировать. Сначала мелко, незаметно, затем амплитуда росла. Края стекла засветились изнутри болезненным, ультрафиолетовым светом. Этот свет не освещал предметы — он пожирал тени, вытягивая цвет из обоев, из дубового паркета, из фотографии в рамке на комод, где они с Настей смеялись на фоне осеннего Петергофа. Фотография выгорела за секунду, превратившись в кусок пожелтевшего картона.

Гравитация сошла с ума. Артёма потянуло вниз, к этим светящимся осколкам. Пол ушел из-под ног, но падения не было — было стремительное затягивание в водоворот. Пространство свернулось в тугую спираль. Он почувствовал, как рвется одежда, как тысячи микроскопических лезвий проходят сквозь кожу, мышцы, задевая кости. Это не было смертью. Это было болезненнее любой смерти — полным анатомическим разбором реальности на атомы.

Его сущность, его память, его горе и вина — всё это растягивалось в бесконечную нить, продеваемую в игольное ушко момента, которого больше не существовало. Перед внутренним взором пронеслась вся его жизнь, но в обратном порядке: вот они пакут коробки для переезда, вот первое совместное похмелье, вот поцелуй под дождем у метро, вот выпускной, первый класс, горшок с геранью в детской, запах блинов на кухне старой бабушки Марии.

Холод серебра сменился жаром. Свет резанул по закрытым векам.

Удар.

Запах пыли, старых газет и сухих яблок.

Тишина.

Артём открыл глаза.

Он лежал лицом вниз на жестком ковре. Старый советский ковер с геометрическим узором, который бабушка запрещала выбивать, считая, что он «притягивает уют». Никаких сирен. Никакой вони бензина и железа.

Болело всё. Каждая клетка тела ныла так, будто его пропустили через промышленную мясорубку. Левая рука, порезанная стеклом, была туго перемотана чем-то влажным и шершавым. Он приподнял голову. На предплечье белела повязка из кухонного вафельного полотенца. Кровь уже успела пропитать ее насквозь, оставив бурое пятно размером с блюдце.

Рядом валялась опрокинутая табуретка. Из кухни доносилось мерное гудение холодильника «ЗиЛ» и тихое шипение газа на плите. Там кто-то напевал. Мелодию он узнал раньше, чем смог осознать происходящее.

Это была песня, которую Настя всегда мычала под нос, когда готовила сырники. Что-то из советской эстрады, глупое и невероятно жизнеутверждающее.

Воздух в квартире был теплым, наполненным запахом ванили, подгорающего масла и свежесваренного кофе.

Артём перевернулся на спину, хватая ртом воздух. Потолок над ним был желтым, с трещиной, расходящейся лучами от люстры-«тарелки». Их старая квартира на Бауманской. Дом, из которого они съехали полтора года назад, решив начать самостоятельную жизнь подальше от родительского контроля.

Скрипнула половица.

На пороге комнаты стояла Настя. Живая.

На ней был его старый растянутый свитер с высоким горлом, измазанный мукой. Волосы собраны в небрежный пучок, закрепленный карандашом. В руках она держала деревянную лопатку, с которой капало на пол тесто.

Она замерла, увидев его на полу. Карандаш дрогнул, выскользнул из волос, и темно-русая копна рассыпалась по плечам. — Ты чего развалился? — улыбнулась она той самой, родной, чуть лукавой улыбкой, от которой у него всегда перехватывало дыхание. — Скоро завтрак сгорит, герой-любownik. Вставай, помоги стол накрыть. Годовщину отмечаем или где?

Ее глаза были абсолютно чистыми. В них не было вчерашнего ужаса, не было прощания, не было вечности. Только утренняя сонливость и любовь.

Артём судорожно втянул воздух. Легкие обожгло кислородом. Он закашлялся, сгибаясь пополам от внезапной нехватки сил.

Настя бросила лопатку, подбежала, опустилась рядом на колени, положив теплую ладонь ему на лоб. — Эй, ты чего бледный такой? Приснилось что-то? Ты всю ночь ворочался, зубами скрипел.

Он схватил ее за руку. Впился пальцами в мягкую кожу так сильно, что она ойкнула. Прижал ее ладонь к своей груди, прямо над бешено скачущим сердцем. Ладонь была теплой. Живой. Под кожей пульсировала кровь.

— Тише, сумасшедший, синяк останется, — рассмеялась она, пытаясь высвободиться, но смех тут же стих, сменившись испугом. — Артём? Господи, да ты весь горишь! И рука... Что с твоей рукой?!

Только сейчас она заметила окровавленную повязку.

Артём поднял на нее взгляд. Собственное лицо показалось ему чужим в отражении ее расширившихся зрачков. Он провел здоровой рукой по щетине, по шраму на скуле. Шрам никуда не делся. Боль в разбитых вчера костяшках тоже осталась. Зеркало не исцелило его тело. Оно просто перетащило поврежденную оболочку вместе с душой сквозь дыру во времени.

— Всё хорошо, — просипел он, глотая слезы, которые наконец-то получили разрешение течь. — Всё теперь будет очень хорошо.

Настя смотрела на него с нарастающей паникой, явно думая вызывать врача. Но потом ее взгляд смягчился. Она осторожно, кончиками пальцев стерла влагу с его щек. — Напугал меня до чертиков, — тихо сказала она. — Какие планы на вечер? Мы идем в тот новый ресторан, или ты опять забыл забронировать столик, разгильдяй?

Ресторан. Перекресток. Джип. Такси.

Вечером они должны были пойти праздновать год совместной жизни. Год, который сегодня утром официально перестал существовать. Время откатилось примерно на двенадцать часов назад.

Артём посмотрел на свою левую руку. Порез затянулся, оставив лишь глубокий красный рубец. Под кожей, прямо на линии судьбы, слабо флуоресцировал крошечный осколок стекла, вонзившийся слишком глубоко при переходе. Мерцающая точка пульсировала в такт сердцу. Цена билета. Бабушка предупреждала, что цена будет страшной. Похоже, часть преисподней навсегда прописалась в его венах.

— Забыл, — хрипло ответил он, притягивая ее к себе и зарываясь лицом в пахнущую ванилью шею. — Прости. Я всё отменил. Никуда мы сегодня не пойдем.

— Вот еще новости! — возмутилась она шутливо, но тут же замерла в его объятиях, почувствовав неподдельную, каменную тяжесть его рук. — Артём? Ты в порядке?

Он не был в порядке. Он чувствовал вкус пепла во рту. Он знал точную температуру человеческого тела в момент остановки сердца. Он слышал, как звучит разрываемая металлическим бампером ткань легкого.

— Лучше, чем когда-либо, — солгал он, не разжимая объятий. — Просто побудь со мной. Пожалуйста. Побудь со мной прямо сейчас. Целую вечность.

За окном кухни занимался серый, ничем не примечательный рассвет. Обычное московское утро среды. Где-то далеко, на другом конце города, люди еще спали, не зная, что сегодняшний день для одного конкретного человека на Бауманской улице начнется дважды.

А высоко в небе, невидимая за низкими облаками, продолжала свой путь машина скорой помощи с выключенной сиреной, везущая накрытое белой тканью тело туда, где заканчиваются все вторые шансы. Но здесь, в тесной кухне, шкворчало масло на сковороде, и самое живое тепло мира сидело сейчас прямо напротив него, требуя передать солонку.

Артём взял протянутую перечницу свободной, правой рукой. Левую, с пульсирующим рубцом, он спрятал под столом, крепко сжав в кулак. Главное испытание начиналось только сейчас — научиться жить вперед, точно зная, насколько хрупким может быть завтрашнее утро.

Глава 2. День сурка

Сознание возвращалось нехотя, словно его вытягивали из густой, смолистой тины. Первым пришел холод — острый, пробирающий до костей сквозняк от приоткрытой форточки. Вторым — запах озона после грозы и чего-то горького, аптечного, вьевшегося в пододеяльник. Третьим пришла боль. Но это была не та фантомная агония разорванных внутренностей и раздробленных ребер, к которой он привык за бесконечный вчерашний вечер. Это была тупая, тяжелая мышечная боль человека, проспавшего двенадцать часов на голых досках.

Артём открыл глаза.

Над ним нависал потолок с желтоватой лепниной по краям — паутина мелких трещин разбежалась от крюка люстры прямо к тому месту, где должна была стоять его голова. Старый фонд. Дом дореволюционной постройки.

Он резко сел, сбросив с себя тяжелое ватное одеяло. Сердце ударило о грудную клетку так сильно, что перед глазами поплыли темные пятна. Он был одет. В те же мятые брюки и рубашку, залитые засохшей кровью Насти. Кровь никуда не делась — она лишь потемнела, превратившись в бурые корки, похожие на ржавчину. На левой руке белела тугая повязка, сквозь которую проступало такое же темное пятно. Рубец на предплечье пульсировал глухой, горячей болью.

— Доброе утро, ходячий мертвец, — произнес сонный голос справа.

Артём дернулся, едва не свалившись с узкой кровати.

Рядом, натянув одеяло до самого подбородка, лежала Маша. Его жена. Мария. Живая. Ее растрепанные рыжие волосы разметались по подушке огненным ореолом, на переносице залегла недовольная складочка — она щурилась от утреннего света.

Память обрушилась ледяным водопадом.

Бабушкино зеркало. Удар. Черная спираль времени. Кухня на Бауманской. Сырники. Запах ванили. И объятия женщины, которая умерла у него на руках семнадцать... нет, теперь уже почти восемнадцать часов назад. Той женщиной была Настя. А Маша...

Маша села в кровати, протирая глаза кулачком. На ней была его старая футболка с логотипом какой-то давно закрывшейся рок-группы. — Ты чего смотришь? Словно призрака увидел, — хриплым со сна голосом сказала она. — Опять кошмар приснился? Ты полночи стонал, я будить боялась. Дай руку.

Она потянулась к его забинтованному предплечью. Артём инстинктивно отшатнулся, прижимая раненую руку к груди. — Не трогай! — вырвалось у него слишком громко, истерично.

Маша замерла. Сон окончательно слетел с ее лица, сменившись тревогой профессионального врача-реаниматолога. — Так, — серьезно сказала она, отбрасывая одеяло и вставая на холодный пол босыми ногами. — Во-первых, ты спал в одежде. Во-вторых, от тебя несет вальерьянкой и смертью. В-третьих, почему ты весь в крови? Твоей или моей?

Она шагнула к нему. Артёму захотелось вжаться в стену, стать плоским, исчезнуть. Пространство комнаты сузилось до размеров гроба. Воздух стал плотным, как вода, мешая дышать. Он снова заперт. Петля затянулась туго.

— Я... мне нужно идти, — просипел он, шаря рукой по полу в поисках ботинок. — Никуда ты не пойдешь, пока не объяснишь, что происходит, — отрезала Маша, уперев руки в бока. Она стояла против света окна, высокая, решительная, родная до зубного скрежета. — Ты обещал вчера, что мы поговорим. Что расскажешь про работу. Про то, почему ты вторую неделю ночуешь на диване в кабинете и вздрагиваешь от каждого звонка. Выкладывай. Или вызываю психбригаду, честное слово. У тебя зрачки разного размера, Артём. Это плохой знак.

Вчера. Для нее было «вчера». Для него прошла целая вечность, вместившая в себя собственную смерть, убийство жены чужими руками и сделку с демоническим стеклом.

— Маш, послушай меня очень внимательно, — он схватил ее за плечи, притягивая к себе. Пальцы ощутили тепло ее ключиц, биение жизни. — Я люблю тебя. Больше жизни. Поверь мне один раз. Просто поверь. Мне нужно уехать. Прямо сейчас. На весь день. Не спрашивай куда. Если вечером я не вернусь... позвони моему брату. Скажи ему кодовое слово «Зеркало».

Она смотрела на него снизу вверх. В карих глазах метался страх, смешанный с растерянностью. — Какое еще слово? Какой брат? Ты головой нигде не приложился?

Но спорить она не стала. Маша всегда чувствовала грань, за которой логика перестает работать. Она молча отошла к шкафу, достала спортивную сумку и начала методично скидывать туда вещи: смену белья, джинсы, свитер. — Зубную щетку брать? — спросила она через плечо, не оборачиваясь. Голос дрожал. — Бери всё, — кивнул Артём. — Поезжай к маме. В Тверь. Сиди там тише воды. Выключай телефон на ночь.

Пока она собиралась, Артём метнулся в коридор. Старая кожаная куртка висела на крючке. Внутренний карман оттягивал тяжелый металлический предмет. Ключи от машины. Той самой старенькой «Тойоты», на которой они ездили три года назад, до того как купили новую. Машина стояла во дворе, целая и невредимая. В той реальности, откуда он прибыл, этот автомобиль месяц назад пошел на запчасти после аварии.

— Я позвоню, — бросил он, застегивая молнию на сумке Маши и буквально выталкивая жену в подъезд. — Закройся на все замки. Никому не открывай. Даже если скажут, что полиция. — Да что случилось?! — крикнула она вслед, когда он уже гремел подошвами по лестнице.

Артём не ответил. Он бежал вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Двор-колодец встретил его привычным гулом просыпающегося центра города. Мусоровоз перекрыл выезд, голуби копошились в луже возле старой «Волги». Никаких джипов, вылетающих на встречу. Никакого такси. Утро выглядело стерильным, безопасным, издевательски нормальным.

До офиса компании, где работала Настя, он долетел за двадцать минут, нарушая все мыслимые правила дорожного движения. Старенькая «Тойота» кашляла выхлопом, но держалась молодцом.

Настя Викторовна Сомова. Ведущий архитектор. Офис на Мясницкой, стеклянная башня бизнес-центра «Чайка».

Он нашел ее в курилке на пожарной лестнице — единственном месте в этом стеклобетонном улье, где разрешалось дымить. Она стояла спиной к двери, опершись локтями на перила, и смотрела на серый город внизу. На ней было то самое бежевое пальто, которое он купил ей прошлой зимой, и длинный полосатый шарф.

Сердце Артёма пропустило удар, а затем заколотилось где-то в горле. Живая. Теплая. Дым тонкой ментоловой сигареты таял в воздухе.

— Привет, — сказал он, тяжело приваливаясь плечом к стене. Колени предательски дрожали от пережитого адреналина.

Настя обернулась. Улыбка тронула ее губы, но тут же погасла, стоило ей разглядеть его лицо. — Господи, Соколовский, на тебе лица нет. Выглядишь так, будто всю ночь хоронили кого-то близкого. Проблемы на объекте?

— Хуже, — выдохнул он, подходя ближе и забирая у нее сигарету. Затянулся едким дымом, чтобы хоть немного унять тошноту. — Нам нужно поговорить. Прямо сейчас. Пойдем отсюда.

— Через час планерка у заказчика, Артем. Если я не принесу правки по фасаду, нас снимут с тендера. Что стряслось? Выгнали с квартиры? Опять поссорился с Марией? — она

назвала его жену полным именем, и в этой формальности прозвучал отголосок их давней, болезненной истории расставания.

— Послушай мой голос, — он взял ее за руку. Перчатка из мягкой кожи. Пульс ровный. — Я знаю, звучит безумно, но сегодня ровно в шесть вечера, когда ты будешь выходить из метро «Сретенские ворота» в сторону бульвара, тебя собьет машина. Насмерть. Не перебивай. У тебя есть десять секунд, чтобы решить, веришь ли ты сумасшедшему архитектору, который пахнет валокордином и смертью.

Настя побледнела. Сигарета выпала из ее пальцев, покотившись по бетонному полу. — Откуда... Мы никогда не обсуждали маршрут моего метро с тобой. Ты следишь за мной? Это какая-то дичь, Соколовский. Отпусти мою руку, мне больно.

— Я не следю, — он встряхнул ее, заставляя смотреть в глаза. — Я пытаюсь спасти твою жизнь. Пожалуйста. Просто доверься мне один раз. Ради всего, что между нами было. Не иди сегодня этим путем. Вообще не выходи из здания после пяти. Вызови такси до дома и сиди там. Умоляю.

Она попыталась вырваться, но хватка Артёма, закаленная ночными судорогами боли, была железной. — Ты пугаешь меня, — прошептала она. — Ты болен. Тебе нужен врач. Я позову охрану.

— Зови, — кивнул он, отпуская ее. — Пусть они меня выводят. Только пообещай, что не выйдешь из дверей станции до семи вечера. Обещаешь?

Настя молчала, кусая губу. В ее взгляде боролись профессиональный испуг перед чужой нестабильностью и остатки женской эмпатии. — Хорошо, — наконец выдавила она. — Я обещаю. До семи. А теперь уйди. Пожалуйста. Ты разрушаешь мою жизнь своим появлением.

Это было почти победой. Почти.

Артём вышел из башни «Чайки» совершенно опустошенный. Ноги казались сделанными из ваты. Он сделал невозможное. Он изменил переменную. Теперь уравнение должно было сойтись иначе.

Весь день он провел в машине, кружа по району Чистых прудов. Он пил отвратительный кофе из автомата, дважды засыпал прямо за рулем, пугая прохожих резкими звуками клаксона, когда голова падала на грудь. Каждый раз, открывая глаза, он первым делом смотрел на часы. Время тянулось невыносимо медленно, вязкое, как смола. Каждая минута отдавалась пульсацией в раненой руке. Стекланный осколок внутри артерии, казалось, нагревался.

Без четверти шесть он занял позицию. Припарковал машину во дворах, метрах в ста от выхода из подземного перехода. Отсюда был идеальный обзор.

Пять сорок пять. Толпа повалила из стеклянных дверей вестибюля. Студенты, офисные клерки, курьеры. Пять пятьдесят. Он начал грызть костяшки пальцев, оставляя на них кровавые следы поверх старых ссадин. Пять пятьдесят пять.

Вот она.

Настя вышла в группе коллег. Они что-то шумно обсуждали, смеялись. Она надела капюшон, спрятав лицо от мелкого дождя, начавшегося полчаса назад. Она пошла не направо, к Садовому кольцу, где станция метро «Сретенские ворота», а прямо — к проспекту Академика Сахарова. Другая ветка. Другой маршрут.

Артём облегченно выдохнул облачко пара. Получилось. Магия сработала. Малейшее изменение маршрута ломает фатальную цепь событий. Ему просто нужно дождаться шести часов, убедиться, что перекресток пуст, и тогда можно будет ехать домой, сжигать эту проклятую куртку и пытаться понять, как жить дальше двум людям в телах тех, кто должен был умереть.

Шесть ноль-ноль. Настя свернула в переулок, сокращая путь к парковке, где оставила свою машину. Отличное решение. Безопасное. Шесть ноль две. Она скрылась из вида за углом старого доходного дома.

Артём включил зажигание. Нужно встретить ее у парковки, подвезти до дома, убедиться лично, что она в безопасности. Заварить чай. Включить глупый сериал. Стереть этот день из памяти кислотой алкоголя.

И в этот момент тишину салона разорвал вой сирены. Не одной. Десятков. Они выли со всех сторон, сливаясь в единый вибрирующий утробный рык мегаполиса.

Рация в старой торпедо, которую он считал нерабочей, вдруг зашипела, выдавливая помехи: — ...десять-два... столкновение на стыке Басманного и Красносельского... множественные пострадавшие... возгорание... повторяю, бензовоз потерял управление...

Артём похолодел. Медленно, как во сне, он повернул ключ, заглушая двигатель. Руки перестали слушаться.

Он знал этот сценарий. Не тот, прошлый. Новый.

Джип уходил от лобового столкновения. Водитель такси пытался уйти вправо. Но если Насти нет на тротуаре у «Сретенских ворот», значит, точка приложения силы изменилась. Центр масс судьбы сместился.

Артём выскочил из машины под проливной дождь, даже не накинув капюшон. Он побежал. Мокрый асфальт летел под ноги, легкие горели огнем. Он срезал угол через детскую площадку, перелез через низкое ограждение. Вой сирен нарастал, становясь физически тяжелым, давящим на макушку.

Выбежав на широкий проспект, он остановился как вкопанный.

Там, где улица сужалась из-за ремонтных работ, перегородивших правую полосу бетонными блоками, образовалась чудовищная мясорубка. Огромная серебристая цистерна бензовоза лежала на боку, подмяв под себя черный внедорожник. Из-под искореженного металла бил оранжевый свет. Горел бензин.

А чуть дальше, на трамвайных путях, нелепо, сломанной куклой, лежало женское тело в бежевом пальто. Рядом валялся вывернутый кожаный портфель. Полосатый шарф, зацепившись за металлическую стойку дорожного знака, полоскался на ветру, как белый флаг капитуляции.

Артём сделал шаг вперед. Потом еще один. Асфальт качался.

Сквозь рев пламени и крики толпы он услышал сухой, отчетливый щелчок. Будто лопнула перетянутая гитарная струна. Звук шел изнутри его собственного черепа.

Осколок в руке вспыхнул адским пламенем. Боль была мгновенной и абсолютной — раскаленное добела шило пронзило нервные узлы от локтя до мозга. Мир моргнул.

Свет. Желтоватая лепнина. Паутина трещин. Запах озона и лекарств. Холодный нос кота, ткнувшийся в подбородок.

Артём подскочил на кровати, запутавшись в сбившейся простыне. Кот — старый, наглый британец по кличке Шнурок — недовольно мяукнул и спрыгнул на пол.

Рядом заворочалась Маша. — Ну вот, опять, — простонала она, накрывая голову подушкой. — Семь утра, Соколовский. Дай поспать в выходной. Какие правки по фасаду могут быть в субботу?

Артём замер. Суббота. Сегодня суббота. Двадцатое число.

Вчера была пятница. Девятнадцатое. День, когда он впервые разбил зеркало. День, когда погибла Настя. Сегодня двадцатое. Тот самый день, который он прожил заново ради спасения Марии. День сырников и разговоров.

Магия перезагрузилась. Система сделала откат не к точке катастрофы, а к точке активации артефакта.

Он посмотрел на свои руки. Костяшки были целы. Куртка висела в шкафу чистая. На левом предплечье белел свежий пластырь — видимо, порезался утром во время бритья. Крови

на одежде не было. Прошлого дня, полного отчаянной гонки и гибели любимой женщины, официально не существовало. Он остался только в его выжженном мозгу.

— Подъем, — севшим голосом сказал Артём. — Я сделаю кофе.

— Со льдом и слезами? — глухо отозвалась подушка голосом Маши. — У тебя физиономия такая, будто ты видел Бога, и он оказался коллектором.

Артём прошел на кухню, механически передвигая ногами. Налил воду в кофеварку. Достал турку. Руки двигались сами по себе, подчиняясь мышечной памяти сотен таких же субботних утр.

Значит, петля. Классический временной парадокс. День сурка.

Но дьявол крылся в деталях. В первый раз, спасая Машу, он вернулся в точку примерно за сутки до трагедии. Сейчас механизм дал сбой. Он вернулся ровно на двадцать четыре часа назад. Вчерашний день дублируется.

Что это значит для физики мира? Что случится, когда два идентичных потока материи встретятся? Артём потерял виски. Голова раскалывалась. Осколок зеркала больше не жег вену физическим жаром, но оставил после себя фантомную боль — ощущение присутствия чужеродного интеллекта, который наблюдает за ним изнутри кости.

Нужно найти Настю. Снова. Сказать ей то же самое. Но теперь у него преимущество — он знает, что произойдет днем. Знает про бензовоз. Можно перехватить ее раньше. Увести из офиса сразу после обеда. Запереть в квартире. Связать, в конце концов, если придется. Спасти любой ценой.

Кофе убежал, залив черными пузырями чистую конфорку. Артём выругался, выключил газ.

Телефон в кармане халата завибрировал. Незнакомый номер. — Слушаю, — рявкнул он. — Артем Николаевич? — голос в трубке был сухим, казенным, принадлежащим человеку средних лет, привыкшему составлять протоколы. — Это майор Литвинов, ГИБДД Восточного округа. Сожалею, что беспокою вас в выходной. Номер вашего телефона нам дали коллеги из страховой. Вы вписаны в полис ОСАГО автомобиля Toyota Camry, госномер... — он продиктовал цифры. — Да, это моя машина. Что случилось? — сердце пропустило такт. Страховка оформлялась именно на этот, воскресший из мертвых автомобиль. — Эвакуатор доставил вашу машину на спецстоянку ночью. В два тридцать семь. Район проспекта Мира. Столкновение с отбойником, сильные повреждения передней части. Водитель с места происшествия скрылся. Камеры зафиксировали мужчину среднего телосложения, похожего на... — Меня никто не задерживал, — быстро сказал Артём. — Я был... дома. Всю ночь. Можете проверить данные геолокации телефона. — В том и странность, Артем Николаевич, — майор выдержал паузу, звякнув чем-то металлическим (ручкой по столу?). — За рулем вашей машины в момент ДТП находились вы. Данные с городского видеонаблюдения синхронизированы с базой распознавания лиц. Биометрическая уверенность девяносто восемь процентов. Вы покинули место дорожно-транспортного происшествия, состояние зафиксировано как средней тяжести. С сотрясением и рваной раной предплечья.

Трубка едва не выпала из рук Артёма. Он бросился в прихожую к большому зеркалу в полный рост. На него смотрел он сам. Осунувшийся, небритый, с красными глазами. Но главное — левая рука. Чуть выше запястья, прямо на синеватой вене, темнело небольшое уплотнение под кожей. Похоже на занозу. Глубокую, инородную занозу. А вокруг нее расплывался легкий кровоподтек цвета грозовой тучи.

И рубашка. Та самая, белая, офисная. На манжете правого рукава виднелось крошечное, подсохшее пятнышко. Бурое. Кровь Насти. Кровь, которой не могло здесь быть, потому что Настя сейчас спит в своей постели в Беляево, живая и ничего не подозревающая. А кровь — вот она. Физическое доказательство нарушения причинно-следственной связи. Артефакт вытащил частицу одного временного пласта и вплавил в другой.

— Майор, — голос Артёма звучал сипло, как наждачная бумага. — Я понятия не имею, о чем вы говорите. Проверьте еще раз ваши камеры. Там ошибка. — Ошибки бывают в бухгалтерии, гражданин Соколовский, — жестко ответил полицейский. — А камера беспристрастна. Советую вам явиться в отделение к десяти утра для дачи объяснений. Иначе мы объявим вас в розыск по статье 12.27 КоАП. Доброго дня.

Гудки.

Артём медленно сполз по дверце шкафа на пол, обхватив голову руками. Петля оказалась ловушкой. Он думал, что управляет временем. Но время играло с ним. Оно дробилось. В одной версии реальности он сидит на кухне с женой. В другой — лежит в кювете на проспекте Мира с разбитой головой. В третьей — возможно, вообще не родился.

Магия бабушкиного зеркала требовала соблюдения баланса. Чтобы создать одну жизнь, оно забирало другую. Спасая Машу, он заплатил аварией. Спасая Настю в первом цикле, он заплатил столкновением бензовоза. Теперь система пыталась выровнять давление. Раз он существует здесь живой и здоровый вопреки логике ДТП, значит, где-то ткань мироздания трещит по швам.

— Кто варит кофе в аду? — Маша вошла на кухню, кутаясь в плед. Остановилась на пороге, глядя на мужа, сидящего на полу. — Артём. Посмотри на меня.

Он поднял взгляд. В ее глазах больше не было сонливости. Только чистый, концентрированный ужас узнавания. Она тоже видела краешек этого безумия. — Где ты был сегодня в половине третьего ночи? — тихо спросила она.

— Дома, — солгал он, зная, что эта ложь убивает их брак эффективнее любого признания в измене. — Не надо, — она покачала головой. Слезы блеснули на ресницах, но не пролились. — Твоя куртка мокрая. Насквозь. И грязная. Ты упал? Попал под ливень? Почему от тебя пахнет гарью и больницей? И что у тебя с рукой? Эта штука под кожей... она шевелится.

Артём перевел взгляд на свое предплечье. И похолодел. Под тонким слоем эпидермиса, окружая стеклянный осколок, действительно происходило движение. Темные прожилки, похожие на морозный узор, медленно пульсировали. Они ветвились, ползли вверх по вене, окрашивая кожу в иссиня-черный цвет. Проклятие зеркала начало физическое воплощение. Демон из серебряной рамы получал доступ к его нервной системе.

— Мне нужна твоя помощь, — прохрипел Артём, протягивая к ней здоровую руку. — Мне нужно к Насте. Прямо сейчас. Пока не наступил вечер. Каждые сутки всё начинается сначала, понимаешь? Я схожу с ума. Я теряю дни. Я убил ее трижды, пытаюсь спасти.

Маша посмотрела на его ладонь. Затем на черные ветви, оплетающие шею мужа — тонкие сосуды лопнули от напряжения, создавая жуткий рисунок. Она глубоко вздохнула. Как врач перед безнадежной операцией. Как человек, принимающий самое страшное решение в своей жизни.

— Одевайся, — сказала она, разворачиваясь и идя в спальню. — Я поеду с тобой. И захвати полис КАСКО. Раз уж наша машина решила поучаствовать в гонках без нашего ведома, будем писать заявление об угоне.

Артём остался сидеть на полу. Впервые за эти бесконечные сутки он почувствовал не панику, а хрупкую, болезненную надежду. Он не один. Маша выбрала сторону. Вместе они смогут обмануть даже собственное отражение.

Он встал, подошел к окну. Город жил своей обычной субботней жизнью: дворники стрелили листья, бабушки выгуливали собак, подростки катались на самокатах. Никто из них не знал, что счетчик смертей тикал прямо сейчас, отсчитывая минуты до очередной точки невозврата.

День сурка начался. И правил больше не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.